

Н

ачав изучать в 2013 году материалы домашнего архива известного русского поэта, прозаика, узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края А.В. Жигулина (1 января 1930 — 6 августа 2000), я не мог пройти мимо образа загадочного и притягательного человека, запечатленного на страницах дневника писателя. Этот человек не был литератором. Он не сочинял стихов. Не писал рассказов. Не работал в редакциях журналов или газет. Не был представителем издательства. Он появился в жизни Жигулина тихо и незаметно. И постепенно стал близким и родным человеком. Практически — членом семьи.

Сам автор называл его «князем Мышкиным», то есть именем главного героя романа Ф.М. Достоевского «Идиот». А все мы помним, что князь Мышкин в этом произведении фактически является воплощением христианской морали или даже олицетворением самого Иисуса Христа.

Все начинается с записи о телефонных звонках незнакомой женщины, которая настойчиво просит поэта встретиться с ней по очень важному и безотлагательному, по ее словам, вопросу.

«11 февраля 1987 года, среда. <...> Клавдия Ильинична Морозова звонила уже не в первый раз. Дело в том, что прочитавший в «Прав-

де» мои стихи «Белый лебедь» Петр Михайлович Раевский решил передать мне две реликвии рода, ихней ветви семьи Раевских: перстень с вделанной в него пулей и образок Смоленской Богородицы. Кроме того, он решил передать мне и генеалогическую таблицу рода Раевских, которую сам перерисовал из работ Модзалевского и, видимо, довел до самых наших дней. Сам он врач, работает в каком-то медицинском НИИ. Кирилл Сергеевич Раевский, о котором звонил недавно читатель Ю.А. Ступников, — двоюродный брат Петра Михайловича. Полагаю, они прямые потомки генерала Ник. Ник. Раевского старшего и, разумеется, младшего».

Необходимо пояснить, что А.В. Жигулин очень бережно относился к истории своей семьи, своим предкам — об этом свидетельствуют его стихи, проза, письма и дневники. По материнской линии он был продолжателем знаменитого рода Раевских герба Лебедь. В ту пору Анатолий Владимирович еще не знал, что и Петр Михайлович, и Кирилл Сергеевич — потомки другого представителя разветвленного рода: Ивана Артемьевича Раевского, старшего сына Артемия Ивановича Раевского. Потомком его второго, младшего сына — Семена Артемьевича — и является герой Отечественной войны 1812 года генерал Николай Николаевич Раевский. Родство очень близкое, но не прямое.

Из стихотворения «Белый лебедь»:

Ян Стефанович Раевский,
Дальний-дальний пращур мой!
Почему кружится лебедь
Над моею головой?
Ваша дерзость, Ваша ревность,
Ваша ненависть к врагам.
Древний род!
Какая древность —
Близится к пяти векам!
Стольники и воеводы...
Генерал...
И декабрист.
У него в лихие годы —
Путь и страшен, и тернист.
Генерал — герой Монмартра
И герой Бородина.
Декабристу вышла карта
Холодна и ледяна.
Только стуже не завяют
Гордый путь его прямой.
Кружит, кружит белый лебедь
Над иркутской тайгой.

Вот начало автобиографической повести «Черные камни»: «Я родился в городе Воронеже 1 января 1930 года. И нынче сохранился в Больничном переулке родильный дом, где я впервые увидел свет. <...>

Моя мать, Евгения Митрофановна Раевская, родилась в 1903 году в бедной многодетной семье прямых потомков поэта-декабриста Владимира Федосеевича Раевского...»

В мае 1982 года, готовясь к выступлению на творческом вечере в ЦДЛ, Жигулин пишет в дневнике:

«19-IV-82 г., понедельник. <...> Я в некотором смысле счастливый человек — кроме кровного родства с таким замечательным человеком, как Владимир Федосеевич Раевский, Господь Бог дал мне и сходную с ним судьбу. В 1949 году,

будучи студентом-первокурсником, я был незаконно репрессирован и попал в бериевские лагеря в Иркутскую область, примерно в те же места, где находился на каторге и в ссылке Владимир Федосеевич. Да и осужден был я — как бы сказать в стиле 19 века — за вольнолюбивые мысли. Получил титул «врага народа». Это было тяжкое время так называемого культа личности, когда каждое живое слово строго каралось».

Продолжим чтение дневника А.В. Жигулина:

«17 февраля 1987 года, вторник. Главное событие дня: приходила к нам милая русская женщина Клавдия Ильинична Морозова. Ей, по словам Иры (супруга А.В. Жигулина. — В.К.), года 72–73. По профессии она историк, но преподавала и музыку.

Она давно знакома (он лечил ее мужа) с врачом Петром Михайловичем Раевским. Человек он, по ее словам, добрейший и изумительный. Но живет один. Ни детей, ни родных у него нет. Когда он прочел в «Правде» стихотворение «Белый лебедь», то решил передать мне хранившиеся у него реликвии рода Раевских. Но человек он стеснительный и попросил ее передать мне бесценный подарок. В ореховой шкатулке серебряная маленькая иконка Смоленской Богородицы. Вероятно, начала XIX века. И перстень. Особенный: внутри золотой, хорошего золота. Но сверху золота — сталь. Золото выходит сквозь квадрат с округлыми углами и образует вершину перстня. На ней, на золоте — знаки: часть — три зубца — пяти или шестиконечной звезды. Над звездой черта, над чертой 5–6 непонятных знаков. Некоторые напоминают арабские буквы. Петр Михайлович считает, что это перстень кого-то из декабристов Южного общества. Иконку семейная легенда связывает с героем Отечественной войны 1812 года Н.Н. Раевским, который с небольшими силами удерживал Смоленск против наполеоновской армии.

Петр Михайлович прислал мне и все родословное древо рода Раевских герба Лебедь, тщательно скопированную из книги Б.Л. Модзалевского «Род Раевских герба Лебедь». С дополнением последних данных по своей линии, по своей ветви. И в верхнем левом углу мелким каллиграфическим почерком написал мое стихотворение «Белый Лебедь». Удивительно, но, согласно схеме, Петр I и Иван Грозный — мои, хоть и дальние, но кровные родственники».

И лишь спустя три месяца после первого упоминания в дневнике Жигулина имени П.М. Раевского происходит их личная встреча.

«Вчера, 11 мая 1987 года, в понедельник — размышлял над родословным древом рода Раевских герба Лебедь. <...> Приходил вечером (да, он пришел около шести часов и ушел в половине одиннадцатого) Петр Михайлович Раевский (1938 г. р.), доктор. Он оказался человеком очень добрым, но чрезвычайно стеснительным. Но постепенно и познакомились, и о моих болезнях поговорили, и о своих судьбах. Его отец погиб от рук сталинских палачей в 1944 году. Погиб в лагере. Когда взяли отца... мать тоже хотели взять. Но положение спасла бабушка. Она сходила на прием к начальнику из НКВД, подарила ему какую-то драгоценность, и мать П.М. оставили в покое. Воспитывали его мать и бабушка. Сейчас он один. Мать умерла от рака в 1972 году (Наталья Леонидовна Домбровская, р<одилась> в 1912 году).

Ужинали жареной картошкой и курицей, пили чай со смородиной. Очень симпатичный и благородный человек Петр Михайлович Раевский!»

Начиная с этого дня, записи о визитах П.М. Раевского и его телефонных звонках встречаются на страницах дневника писателя весьма часто.

Анатолий Жигулин в своем рабочем кабинете

«14 мая 1987 года, четверг. <...> Приходил доктор Петр Михайлович Раевский. Он наметил свою систему лечения моего дряхлого организма. Принес лекарства, не хотел брать за них деньги. А зарплата его всего 116 рублей на руки. Любит скачки. Играет. Проигрывает. Что ж, это страсть, наверное, передалась ему в генах от предков. Пили кофе, беседовали. Одинокий человек Петр Михайлович. Неужоженный, бедно одетый. Бессребреник. Вроде бы немного блаженный, а может быть, и немного больной. Во взгляде видится порой печаль или тоска».

«27 декабря 1988 года, вторник. <...> Пришел Петр Михайлович Раевский. Славный человек. Родственник неблизкий, но роднее сестры родной».

«5 апреля 1989 года, среда. <...> Приходил наш милый и любимый Петр Михайлович Раевский. Рассказывал о Париже и наших французских родственниках. Ничего не купил, не привез. Даже 10 тысяч франков не истратил, которые ему тетка дала на компьютер. Тетка забрала деньги назад, когда узнала, что Петр Михайлович решил не покупать компьютер, а послать 7 тысяч своему бедствующему родственнику».

«8 июня 1989 года, четверг. <...> Разбудил Петр Михайлович. Приходил давление измерить, святая душа!»

«16 декабря 1989 года, суббота. <...> П.М. Раевский приходил. Подарил мне двухтомник «Материальная часть стрелкового оружия» (М., Оборонгиз, 1945–1946). Прекрасная книга! <...> Мое зимнее пальто пришлось Петру Михайловичу впору».

«10 февраля 1990 года, суббота. <...> Был Петр Михайлович Раевский. Добрая душа, не от мира сего».

«9 мая 1990 года, среда. <...> Вчера приходил Петр Михайлович <Раевский>, светлейшая и честнейшая душа. Жаль, что его, как и меня, давно гложет депрессия».

«22 мая 1990 года, вторник. Обезд с Петром Михайловичем <Раевским> трех издательств: «Советский писатель», «Книжная Палата», «Молодая Гвардия» — за справками для пенсии. Там прекрасная церковь. Перекрестились на ее купола».

«11 июня 1991 года, вторник. Новая поездка в Венгрию (с Ирой и Володей).

Петр Михайлович Раевский. Москва

нет ни синдрома Пастернацкого (признак заболевания почек. — В.К.), ни хрипов в легких. Слава богу!

Задушевные беседы А.В. Жигулина с «князем Мышкиным» затрагивали очень широкий круг тем. В том числе тему дворянства:

«5 декабря 1996 года, четверг. <...> Долгий поздневечерний разговор с П.М. Раевским о роде Раевских, о его главе Сергее Петровиче Раевском. Ему уже 90 лет. О Дворянском собрании в Москве. Сейчас уже принимают и по женским линиям. Мало дворян осталось, перебили всех».

«21 апреля 1997 года. Великий понедельник. <...> Приходил наш родной Петр Михайлович Раевский. Перевязал он наши с Ирой пальцы-ногти с бальзамом Шостаковского, с компрессами из этого бальзама. Вроде ничего. Пили чай, беседовали».

«20 июня 1997 года, пятница. <...> Приходил Петр Михайлович Раевский. Принес мне в подарок «Большой энциклопедический словарь» 1997 года. Тираж всего 10 тыс. экз.».

«10 августа 1997 года, воскресенье. День иконы Смоленской Пресвятой Богородицы. У меня есть маленькая иконка Смоленской Богородицы. При обороне Смоленска в 1812 году кто-то из горожан подарил ее генералу Николаю Николаевичу Раевскому, старшему. С нею Н.Н. Раевский прошел всю войну — и в Смоленске, и на Бородинском поле. С нею в 1814 году ворвался со своими казаками в Париж со стороны Монмартра. Иконку эту подарил мне П.М. Раевский. Вот какая святая реликвия».

И в минуты радости, а самое главное — печали — П.М. Раевский всегда был рядом. Всегда был готов прийти на помощь. А проблем в семье Жигулиных (особенно в последние годы жизни поэта) было много: физические и духовные болез-

Выехали 9 числа поездом Москва — Будапешт. Провожал Петр Михайлович <Раевский>».

«25 мая 1993 года, вторник. <...> Ночью — беседа с Петром Михайловичем Раевским, собственно говоря, в основном — мой монолог. О жизни, обо всех проблемах и болях нашего времени — и в прошлом, и в теперешнем бытии России».

«11 февраля 1995 года, суббота. <...> Приезжал Петр Михайлович <Раевский>, наш князь Мышкин, привез хлеба и много нужных лекарств. Мне теперь полегчает. Должно полегчать».

«25 марта 1995 года, пятница. <...> Приходил перед вечером Петр Михайлович Раевский, замечательный наш друг и родственник. Принес много лекарств. И вообще душа оттаяла. Читал ему «Урановую удочку».

«12 октября 1995 года, четверг. <...> Приходил Петр Мих<айлович> Раевский, наш родной человек. Осмотрел и меня, и Иру. Нашел меня здоровым —

ни, смерти родителей, нищета, деградация сына... В дневнике А.В. Жигулина содержится рассказ о многих таких случаях.

«9 июня 1989 года, пятница. Умер Виктор Николаевич Неустроев, отец Ирины. Весть эту принес, сообщил <мне> Петр Раевский около часа назад. Он звонил в Воронеж — беспокоился о состоянии Виктора Николаевича — и ему Ира сказала. Петр Михайлович сразу приехал ко мне. Я дремал. Но услышал его звонок».

На этой же странице аккуратным ученическим почерком сделал свою запись П.М. Раевский:

«9.6.1989. В день кончины папы, Виктора Николаевича Неустроева, скорблю, Ирина Викторовна, вместе с Вами, сочувствую Вам; Царствие Небесное папе, и жизни ему вечной в Раю. Петр Раевский, Ваш, Ирина Викторовна, скромный обожатель».

Когда пьяный Владимир разбил семейные «Жигули», ситуацию «разруливал» все тот же П.М. Раевский: искал «жестянщика», занимал деньги у знакомых, чтобы оплатить совсем не дешевый ремонт... Правда, когда сам П.М. Раевский оказался в сложной ситуации и у него за систематическую неуплату «отрезали» телефон, многомесячный долг погасил А.В. Жигулин, получивший гонорар за только что вышедшую книгу.

Как говорится, друзья познаются в беде.

По мере изучения жигулинских материалов появлялось все больше вопросов, на которые я не мог самостоятельно найти ответ. Например, в личном архиве писателя не хватало определенного количества (пусть и небольшого) дневниковых тетрадей. Записи обрывались в феврале 1999 года. Но после этого писатель прожил более года. Невозможно было представить, что Жигулин, находясь в здравом уме и твердой памяти, перестал вести дневник. Оставил свое детище...

Так где же они, свидетели последних месяцев жизни писателя? Кто может ответить на этот и другие вопросы? Ирины Викторовны Жигулиной не стало в марте 2013 года. Сын Жигулина Владимир ушел из жизни еще раньше... Может быть, Петр Михайлович Раевский, верный друг семьи Жигулиных? Но как его разыскать?

Попытки узнать номер телефона П.М. Раевского ни к чему не привели. Поиски домашнего адреса через своих друзей и знакомых в Москве также не принесли результата. Позже выяснилось — почему.

Почти потеряв надежду, в мае 2017 года я скорее по привычке доводить начатое дело до конца набрал обнаруженный в сети интернет номер домашнего телефона Кирилла Сергеевича Раевского, члена-корреспондента Академии медицинских наук (его имя упоминается в приведенных выше записях в дневнике А.В. Жигулина).

И услышал в трубке интеллигентный женский голос:

— Кирилл Борисович находится в больнице. Вы разговариваете с его супругой, меня зовут Маргарита Дмитриевна... Чем я могу быть Вам полезна?

Услышав вопрос: не являются ли Кирилл Сергеевич и Маргарита Дмитриевна родственниками П.М. Раевского, и, если являются, то как с ним можно связаться, — женщина вздохнула и расстроено сказала:

— Петя, простите, Петр Михайлович Раевский, действительно, наш родственник, двоюродный брат Кирилла Сергеевича, дорогой нам человек... Но вы опоздали со своим звонком... Три недели назад он скончался после тяжелой и продолжительной болезни...

Маргарита Дмитриевна сказала много хороших слов о П.М. Раевском, о том, что он был скромным, чутким и отзывчивым человеком, прекрасным врачом, спасшим не одну человеческую жизнь, что он по-рыцарски относился к женщинам, и в конце беседы посоветовала:

— Позвоните Татьяне Евгеньевне Зенбицкой, давнишней приятельнице Петра, я дам Вам номер ее телефона, она провожала его в последний путь, теперь навещает могилу на Кузьминском кладбище...

Позвонив через несколько дней по названному М.Д. Раевской номеру телефона и представившись, я услышал в трубке взволнованный женский голос:

— Как хорошо, что Вы позвонили... После смерти Петра в его личных вещах оказались материалы из домашнего архива Жигулина, в том числе дневники. И я не знала, что с ними делать...

Так судьба подарила мне заочную встречу с еще одним необыкновенным человеком — Татьяной Евгеньевной Зенбицкой, ветераном отечественной печати, Заслуженным работником культуры Российской Федерации. В ее послужном списке — журналы «Советская женщина», «Юность», научно-технические издания. Много лет проработала в журналах Министерства культуры России «Встреча» и «Народное творчество» в качестве литературного сотрудника, ответственного секретаря, заместителя главного редактора. Татьяна Евгеньевна — давняя прихожанка храма иконы Божией матери «Отрада и Утешение», что находится на Ходынском поле. Пишет стихи. Часть из них опубликована на сайте храма, в журнале «Мир Божий» и в литературно-художественном альманахе «Vita». Некоторые положены на музыку.

Вскоре из Москвы по почте пришел пакет, в котором находились поистине бесценные материалы из домашнего архива А.В. Жигулина. Среди них — рабочая тетрадь № 574 / дневник № 262. Тетрадь была начата 18 мая 1998 года. Последняя запись датирована 29 июля 2000 года. Она сделана не характерным для автора почерком. Слово человек писал с завязанными глазами. Наощупь. В крошечной тьме.

«Сил нет, рука не пишет...»

Через неделю писателя не стало.

Надо ли говорить о том, какие чувства я испытал, получив после многолетних поисков эти материалы? Не менее ценными оказались и воспоминания Татьяны Евгеньевны о П.М. Раевском.

Из воспоминаний Т.Е. Зенбицкой:

«Пишу о Петре Михайловиче то, что знаю, что помню. Возможно, это будет сумбур вместо музыки». Главное — факты.

Петр был для меня как старший брат, который спустя годы частенько говаривал: «Ты же родилась на моих глазах...» Да, наши семьи дружили, моя мама Ирина и мама Петра Наталья — подруги юности. Но не только это. У Петра был дядя Борис Сергеевич, сводный брат его матери. Почему он носил отчество Сергеевич, а она — Леонидовна? Вдаваться в семейные тайны не будем. Борис Сергеевич был женат на моей двоюродной бабушке по материнской линии Елене Ивановне. А его родной брат (сводный Натальи Леонидовны) Евгений Сергеевич — на двоюродной сестре моего отца Марии Михайловне Зенбицкой. Вот такое сложное переплетение родословных ветвей.

Петр родился 11 июля 1938 года накануне праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Его отец Михаил Петрович Раевский с февраля 1938 года преподавал в Московском металлургическом институте на кафедре технической механики. Сохранилась служебная характеристика, в которой, в частности, написано: «Тов. Раевский М.П. непрерывно ве-

дет научно-исследовательскую работу в области теории колебаний железнодорожных вагонов. В декабре 1939 года тов. Раевскому М.П. в результате защиты диссертации присвоена ученая степень кандидата физико-математических наук. 25 марта 1939 года награжден орденом «Знак Почета».

Сергей Петрович Раевский в книге «Пять веков Раевских» пишет, что его брат Михаил не успел защитить докторскую диссертацию в Отделении механики Академии наук СССР по причине ареста.

М.П. Раевский был арестован 8 января 1944 года. В том же году он скончался в пересыльной карагандинской тюрьме в возрасте 35 лет.

10 июля 1958 года по решению Военного Трибунала дело его было пересмотрено. Запись в документе: «Михаил Петрович Раевский реабилитирован посмертно».

В семейном архиве сохранилось письмо сокамерника Михаила Петровича, адресованное Наталье Леонидовне, в котором описаны последние месяцы жизни М.П. Раевского и обстоятельства его смерти. Письмо заканчивалось словами: «Дай бог Вам мужества и достойно встретить эту весть. Вырастите сына, воспитайте в нем чувство любви к своему благородному талантливому отцу, сделайте из него поборника человеколюбия и врага всякого рабства — это будет лучший памятник дорогому Михаилу Петровичу».

Сохранились и несколько писем Михаила Петровича жене. В основном это письма в родом, но иногда Михаил Петрович оставлял письмо своей дорогой Наталье Юшке, уходя на работу, письмо, полное любви.

Письма отца, семейные фотографии, документы — это было главное и свято хранимое богатство Петра Михайловича, которое согревало его до последних мгновений жизни.

...Итак, Петр остался сиротой, без отца, в шесть лет. Воспитывали его мама и бабушка. Заботилась о нем и его крестная, сестра отца Екатерина Петровна Раевская, в замужестве Самарина.

Жили они на Беговой, неподалеку от нашего дома. Жили в нужде. Моя мама вспоминала, как к ней прибежала бабушка Наталья: «Ира, Ира, Пете нечего есть!» И мама помогала. И все-таки Бог хранил их. Ведь Наталью Леонидовну, как жену «врага народа», могли посадить, маленького Петю — отправить в детский дом, сменить ему имя и фамилию. Так обычно и делалось. Но, но...

Петр окончил школу в 1955 году с золотой медалью, что давало право поступить в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. Он выбрал 1-й Московский медицинский институт. Учился блестяще. Затем — служба врачом в

А.В. Жигулин с женой Ириной Викторовной и сыном Владимиром. Коктебель. 1982

армии, работа в институте хирургии им. А.В. Вишневского, институте проблем передачи информации Академии наук СССР и пр.

Вторым домом для Петра стала Ленинская библиотека. Здесь он читал труды отечественных и зарубежных докторов, ученых, следил за новинками в медицине. Многие годы вел дневники — своеобразные истории болезни своих пациентов, обзванивал их и мелким бисерным почерком записывал, как чувствуют себя его подопечные, если требовалось, корректировал назначения.

Деньги у него не задерживались. Он покупал лекарства за свой счет, приносил больным и никогда не просил «возместить убытки». А порой незаметно опускал лекарства в почтовый ящик. И отправлялся, в любую погоду, к очередным пациентам — из конца в конец, из конца в конец огромной Москвы. Даже когда ему самому было плохо (а это случалось все чаще и чаще), Петр все равно ехал к больным, говоря твердо: «Им хуже, чем мне». Просиживал ночами у постели больного, выхаживал, был и за врача, и за сиделку, и за санитаря. (Так ухаживал он вместе со мной и за моей мамой). Со многими был рядом до последних мгновений их жизни. Регулярно посылал деньги тетушке в Белоруссию, помогал безвозмездно знакомым, оказавшимся в затруднительном материальном положении, а сам оставался гол, как сокол. Любимое выражение: надо бы такому-то «подсыпать деньжат». А ведь жил на пенсию. Нет ничего удивительного в том, что питался он крайне скудно, еду не готовил, разве что неизменной яичницу. Спасибо — подкармливали пациенты.

Петр никогда не проходил мимо лежащего на улице пьяного, особенно в холода, боясь, что бедолага замерзнет. Поднимал, порой доводил до дома или втискивал в транспорт — все теплее, чем на земле. Кто-то благодарил, а кто-то бранился, но Петр не обращал на это внимание. Для него главное было спасти человека, даже такого — опустившегося. Ведь живая же душа! Замечу: сам не пил.

Сказать, что он был одет не по моде, — ничего не сказать. Своих вещей у него не было, носил все с чужого плеча — жертвовали пациенты. Внешне походил на нищего. Случайные прохожие таким его и считали. Кто-то сторонился и посмеивался, кто-то намеренно толкал. Сердобольные пытались сунуть ему в карман деньги. Петр был из тех, о ком говорят: «безбытный». Принявший на себя, по словам одного его родственника, «добровольное нищенство». Многим это было непонятно. Чудачество? Зачем? Нет, скорее психическое отклонение... Увы, вердикт не редкий, коль скоро человек не вписывается в общепринятые нормы жизни. Когда он другой, совсем другой... Не надо сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что дети «врагов народа», расстрелянных или умученных в лагерях и тюрьмах, — на всю жизнь остаются «подранками».

Петр Раевский — один из них.

В последние годы жизни он очутился в пыльной, захламленной комнатке у давнишней своей приятельницы и пациентки, женщины преклонных лет, больной. Старушка эта умерла за две недели до кончины Петра. Почему он окончил свои дни в чужом углу, поясию.

Дом, в котором жила некогда на Беговой семья Раевских, снесли. Наталья Леонидовна и Петр (бабушка к тому времени умерла) переехали на Нижегородскую улицу в «мамин дом», как называл его Петя. Будучи инженером, Наталья Леонидовна сыграла заметную роль в строительстве здания. У них была хорошая двухкомнатная квартира, где она и скончалась.

Спустя годы, добротную многоэтажку стерли с лица земли. Петру дали однокомнатную квартиру в новостройке. Раздав чудом уцелевшие вещи, он перетащил туда нехитрый скарб и понял: жить здесь не будет. Это был чужой, не «ма-

мин» дом. К тому же на Петра стали насаждать подозрительные личности: продай да продай квартиру, зачем она тебе? И он решился: зашел как-то по пути к больному в первую попавшуюся риэлторскую контору и «загнал» квартиру. Жулики сразу поняли, с кем имеют дело, и цену поставили минимальную. Но и те деньги он не получил бы, если бы не вмешались друзья. А дальше — жизнь в чужом углу, хождение по мукам.

Сожалел ли Петр, что лишился собственного жилья? Порой сожалел, о чем писал тетюшке в Могилев. Но поезд ушел. Давно не было рядом умной, деловой, энергичной мамы, с сильным мужским характером. Она многое решала за него. После ее смерти Петр оказался без опоры, как ребенок, не приспособленный к жизни. Действительность пугала, и он отверг ее, погружившись в собственный мир, где были книги, больные, друзья... Все остальное — суета сует.

Те небольшие деньги, что получил за проданную квартиру, быстро улетучились: раздал тем, кто нуждался, выклянчили обманным путем те, кто не нуждался. И остался Петр фактически ни с чем. А дальше случилось непоправимое: отняли обе ноги — гангрена...

Жить в чужом углу, страдать от нестерпимых болей, от собственной беспомощности, ночных кошмаров... Какие же мучения принял он!

Скончался Петр 6 апреля 2017 года. Накануне великого праздника — Благовещения Пресвятой Богородицы. Отпевали его в Вербное воскресенье в нашем храме.

Было много народу: родные, институтские друзья, коллеги и знакомые. Все они собрались почтить память удивительного человека, которого мой двоюродный брат Игорь называл ласково — Петруша.

Похоронили Петрушу на Кузьминском кладбище, где покоятся его мама и бабушка. В другом месте — могила моих дорогих мамы, бабушки и дяди. Позже, по моей просьбе, протоиерей о. Димитрий, отпевавший Петра, отпел заочно и умученного его отца Михаила.

Вот так окончили свои дни Петр Михайлович Раевский, эрудит — не только в области медицины, но и математики, истории, литературы. Однако он никогда не выказывал себя, не бахвалился своими знаниями. Как не бахвалился и своим родословием. Больше молчал, слушал, чем говорил, потому иные пустословы и хвастуны считали его недотепой. Да и сам о себе Петр любил говаривать: «Кто я? Никто. Был дурачок и остался дурачок». Его сокурсники добились в жизни многого, а он — светлая голова, талант — оставался в тени, за кадром. Но зато — был Человек! Исполнявший свою, предначертанную ему миссию — служить ближним. Больным, одиноким, нуждающимся, отходящим в жизнь вечную. А благое, сделанное людям, — сделано Богу.

На Страшном суде ничего не значащими окажутся мирские звания и награды, занимаемые при жизни высокие должности. Иисус Христос будет судить нас по делам милосердия, по делам любви. Любви сострадательной, жертвенной. А таких дел у Петра было великое множество.

...Вспоминается еще один момент. Петр неизменно приходил к нам в день памяти моего отца, а потом и моей мамы с прекрасными белыми розами. И на похороны мамы моей (а хоронили ее зимой в Рождественский Сочельник) он пришел с розами. В худом, продуваемом ветром пальтишке, в холодных единственных у него башмаках, а в озябших руках — белые розы. Таким и стоит он у меня перед глазами...»

В завершение не могу не привести стихотворение Т.Е. Зенбицкой, написанное после тяжелой операции, перенесенной Петром Михайловичем Раевским в январе 2015 года.

ЧУДАКИ

Посвящается Петру Раевскому

*Я странен? А не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож...*

А.С. Грибоедов. Горе от ума.

«...оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»

Н.В. Гоголь. Шинель.

Живут на свете чудачки,
Столь не похожие на всех.
Для общей массы — чужаки,
Без средств солидных, без утех.

Они одеты не по моде
И не читают модных книг...
«Вот чучело-то в огороде» —
Нередко говорят про них.

Что важно большинству и ценно,
Чудак стяжательством зовет.
Зачем копить? Все в мире тленно,
И, что имеет, — раздает.

Как непонятна скромность эта,
Жизнь в старости, в чужом углу...
Достойна пересуд и смеха
У тех, кто падок на хулу.

Но он, беззлобно улыбаясь,
Не воздаст им за тычки,
Все ниже головой склоняясь,
Не отвечает на смешки.

И в час беды протянет руку
Тому, чье сердце вопиет, —
Боль страждущих, их стон и муку
Он на себя всегда берет.

А как уйдет в иное Царство,
Сказав: «Не плачет пусть никто»,
Останется одно богатство:
В передней — старое пальто.

Вот такой человек встретился в жизни Анатолия Владимировича Жигулина на последнем отрезке его земного пути.

Тысячу раз права Татьяна Евгеньевна Зенбицкая: «На Страшном суде ничего не значащими окажутся мирские звания и награды, занимаемые при жизни высокие должности. Иисус Христос будет судить нас по делам милосердия, по делам любви... А таких дел у Петра было великое множество».

Одно из них — бескорыстная дружба Петра Михайловича Раевского с поэтом, прозаиком, узником сталинских лагерей А.В. Жигулиным.

И я счел своим долгом — с помощью прекрасных русских женщин Маргариты Дмитриевны Раевской и Татьяны Евгеньевны Зенбицкой — рассказать об этом человеке читателям.